

УДК 1(091) Николай Бердяев
DOI: 10.24411/2226-7271-2018-11022

Корнилов С.В.

Философия «свободного духа» Николая Бердяева в проблемном поле европейской культуры

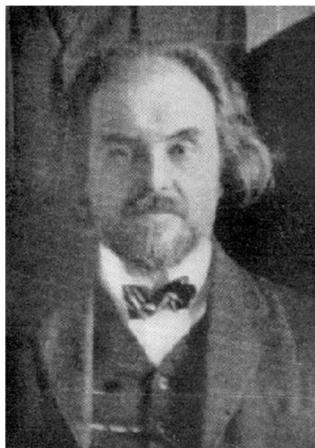
Корнилов Сергей Владимирович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград)

ORCID ID <https://orcid.org/0000-0003-3239-1002>

E-mail: sergey-v-kornilov@j-spacetime.com; korns2009@rambler.ru

Рассматривается концепция выдающегося русского философа XX века Н.А. Бердяева и ее влияние на развитие мировой философской мысли. В центре внимания мыслителя – свобода и творчество. Философская антропология Бердяева содержит осмысление фундаментальных проблем человеческого существования. Прослеживается связь учения русского мыслителя с развитием идей крупнейших философов Запада.

Ключевые слова: русская философия; Н.А. Бердяев; персонализм; философская антропология; свобода; творчество; любовь; моноплюрализм; отчуждение.

Николай Александрович Бердяев (1874–1948).

Слева – в 1912 г. (фрагмент фотографии), справа – в начальный период эмиграции (фрагмент групповой фотографии 1923 г., Берлин)

Н.А. Бердяев (1874–1948) вошел в историю культуры XX века как «апостол свободы»¹. Действительно, в его философии «свободного духа» поставлены фундаментальные проблемы человеческого существования и развернуты категориальные структуры для их решения. Изгнанный из России мыслитель был вынужден продолжить свою деятельность за границей, когда, как отмечает А. Валицкий, «культура русского религиозно-философского ренессанса ушла в эмиграцию»². Но если общие контуры его учения достаточно хорошо известны, то место философии «свободного духа» в проблемном поле европейской культуры еще предстоит прояснить. Оказала ли концепция русского

мыслителя какое-либо воздействие на эволюцию западной философской мысли? Получила ли европейская культура импульсы для своего развития от русской философской эмиграции?

После высылки из России в 1922 г. Н.А. Бердяев оказался в центре основных философских дискуссий, он принимал участие в проведении международных научных встреч и культурных форумов. У него установились личные контакты с М. Шелером, О. Шпенглером, Г. фон Кайзерлингом, Г. Марселем, М. Бубером, К. Бартом, Р. Ролланом, Ф. Моруа, Роже Мартен дю Гаром, А. Жидом и др. известными мыслителями, писателями, деятелями культуры. Перевод и публикация «Нового средневековья»

¹ Vallon M.A. *Apostle of Freedom. Life and Teachings of N. Berdiaev*. New York: Philosophical Library, 1960.

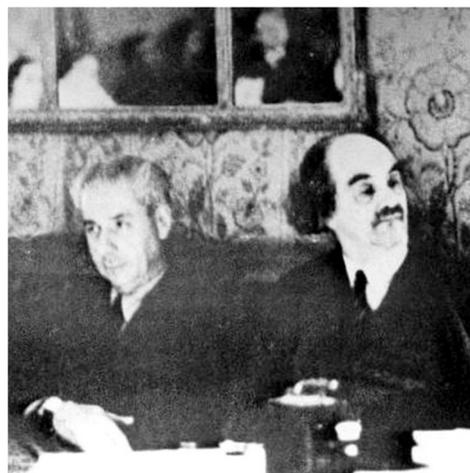
² Walicki A. *The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2015. 858.

Справа налево: Н.А. Бердяев, Поль Дежарден (Paul Dejardein, 1859–1940, французский поэт и философ, организатор десятидневных конференций – «Декады Понтины», 1910–1914, 1922–1939, собиравших интеллектуальную элиту Франции) и Андре Жид (André Paul Guillaume Gide, 1869–1951, французский писатель, лауреат Нобелевской премии). Фото конца 1920-х гг.

«Декады Понтины», 1927 г. Слева направо: Бернард Гротхойзен (Bernard Groethuysen, 1880–1946, французский философ русско-голландского происхождения), Н.А. Бердяев, Александр Койре (Alexandre Koyré, 1892–1964, французский философ российского происхождения), князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890–1939, литературовед, литературный критик)

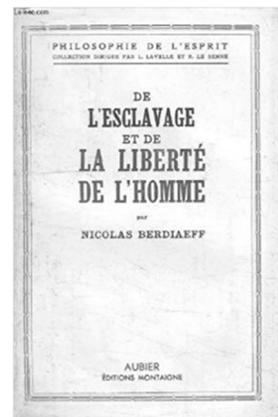
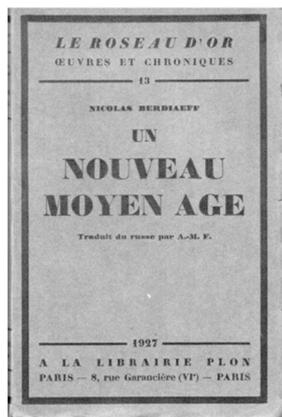
«Декады Понтины», 1937 г. Н.А. Бердяев (справа) и Роже Мартен дю Гар (Roger Martin du Gard, 1881–1958, французский писатель, лауреат Нобелевской премии) (слева)

Бердяева в парижском издательстве «Plon» были осуществлены при непосредственном участии Ж. Маритена¹. «Маритен привел к Бердяеву Дю Боса, Марселя, Масиньона, Жильсона, Фюме, Мунье», – пишет один из историков вопроса². Нашумевшая статья философа «Правда и ложь коммунизма» вышла в журнале «Эспри» («Esprit»), главным редактором которого был Э. Мунье.

«Необходимо вспомнить также, – читаем у Бердяева о его отношениях с западными интеллектуалами, – о философских собраниях у Габриэля Марселя. <...> Это было, вероятно, единственное место во Франции, где обсуждались проблемы феноменологии и экзистенциальной философии. Постоянно произносились имена Гуссерля, Шелера, Хайдеггера, Ясперса»³.

Русский мыслитель приобрел европейскую и мировую известность, чему существенно способствовала его творческая продуктивность. Среди важнейших трудов, созданных им за рубежом, следует в первую очередь назвать такие, как «Философия свободного духа. Проблематика и апологетика христианства», «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики», «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения», «Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности», «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии», «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация», «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого», «Судьба человека в современном мире», «Самопознание», «Русская идея», а также большое количество статей, рецензий, заметок.

Показательно, что труды Бердяева быстро переводились на другие языки и издавались во многих странах. Так, одна из самых значительных работ – «Философия свободного духа», опубликованная в

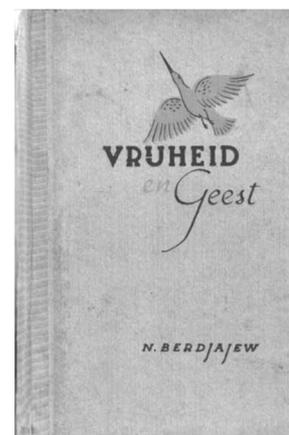
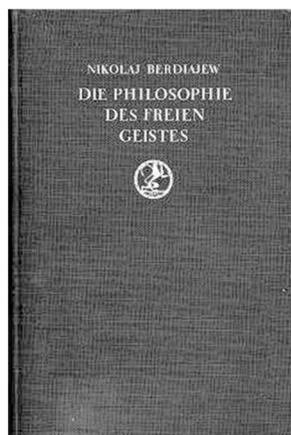
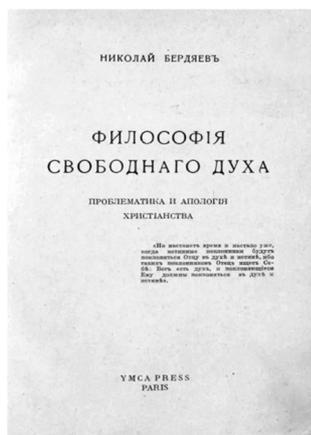

Обложки изданий трудов Н.А. Бердяева на французском языке: слева – «Новое средневековье» (Nicolas Berdiaeff. *Un nouveau moyen-âge*. Paris: Plon, 1927), справа – «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» (Nicolas Berdiaeff. *De l'esclavage et de la liberté de l'homme*. Paris: Aubier-Montaigne, 1946)

¹ Бердяева Л.Ю. Профессия: жена философа. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 252.

² Маркадэ Ж.-К. Проникновение русской мысли во французскую среду. Н.А. Бердяев и Л.И. Шестов // Русская религиозно-философская мысль XX века: Сборник статей / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1975. С. 153.

³ Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. С. 280.

Обложки и титульные листы изданий труда Н.А. Бердяева «Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства», слева направо: на русском (Париж: Умка press, 1927), на немецком (*Die Philosophie des freien Geistes. Die Philosophie des freien Geistes. Problematik und Apologie des Christentums*. Tübingen: JCB Mohr, 1930), на французском (*Esprit et Liberté. Essai de Philosophie Chrétienne*. Paris: Je sers, 1933), на нидерландском (*Vrijheid en Geest*. Den Haag: Servire, 1946)

двух частях в 1927–1928 гг., – вышла в 1930 г. в переводе на немецкий язык, в 1933 г. – на французском, в 1935 г. была издана в Великобритании и США, в 1946 г. – опубликована в Нидерландах, а в 1997 г. появился ее итальянский перевод. Французская академия моральных наук присудила Бердяеву за нее премию. Работы философа публиковались при его жизни на четырнадцати языках.

«Я был первый русский христианский философ, – отмечал Бердяев, ничуть не преувеличивая, – получивший большую известность на Западе, большую, чем В. Соловьев»¹.

Подтверждением этого стало присуждение мыслителю в 1947 г. степени доктора Кембриджского университета *honoris causa*.

Рассматривая творчество философа периода эмиграции, следует учитывать, что к моменту высылки из страны Н.А. Бердяев был уже сложившимся мыслителем. К этому времени он кардинально пересмотрел задачи философского познания. Классическая гносеология исходила из противопоставления познания бытию, навязывала интеллекту приспособление к господствующей в мире необходимости. В различных вариантах утверждалось, что знание – некий повтор, дубликат бытия. Однако такого рода познание способствовало не открытию истины, а, по меткой характеристике Бердяева, являлось самогипнозом подавленного духа. Философ убежден в том, что свободный дух противоположен любой необходимости, а философская интуиция предшествует всякой логике, которая может быть инструментом духа, но не в состоянии объяснить его. В доказательстве присутствует обязательное послушание, преклонение перед «миром». Но последний не есть конечная, абсолютная реальность, истинно сущее бытие; напротив, он оказывается порождением нашего греха, рабства и несвободы. «Мир» обнаруживает свою несамостоятельность, вторичность по отношению к духу, и поэтому он должен быть разрушен, преодолен. Освобождение от власти неистинного мира представляет собой творческий акт. В нем человек проявляет свою божественную природу. Не только человек нуждается в Боге, полагал мыслитель, но и Бог нуждается в человеке.

Установив, что человек является предпосылкой всякого познания, Бердяев предлагает от вторичного, производного, от гносеологии обратиться к исходному, первичному – к творчеству духа. Творчество, с его точки зрения, не может пониматься как переход из одного состояния в другое, поскольку в подобном случае творящая причина должна была бы убывать в творении. Бытие способно видоизменяться, но оно не обладает творческим началом. Только божественная природа в состоянии создавать новое из ничего. И если человек – образ и подобие Божества, то ему также присуща способность созидать. Творение, осуществленное Богом, продолжается в деятельности человека.

«Творческий акт, – писал Бердяев в «Смысле творчества», – предполагает моноплюрализм, т. е. допущение множества свободных и самостоятельных существ наряду с Существом Божиим»².

Конечно, активность человека, в отличие от творческой деятельности Божества, ограничена, ибо люди не обладают абсолютной мощью. Но главное заключено в их подобии; здесь разгадка смысла

¹ Там же. С. 262.

² Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 351.

творчества. Таким образом, еще до эмиграции были сформулированы основные положения учения русского мыслителя.

Новым серьезным шагом в развертывании концепции Бердяева стали труды, написанные в изгнании. В «Философии свободного духа» автор отстаивал идею, что духовная жизнь обладает максимальной степенью реальности. Субъект и объект слиты в ней в первичном единстве, и поэтому не происходит удвоение мира, не возникает вводящая в заблуждение объективация. На самом деле ничто не соответствует фактам духовного опыта, они сами образуют самостоятельный мир, создаваемый активностью свободного духа.

«Н.А. Бердяев, – отмечает С.А. Нижников, – как экзистенциально мыслящий философ связывал отчуждение с объективацией духовной деятельности вообще»¹.

Бердяевское понимание «свободного духа» далеко не только от безжизненных фантомов классических идеалистических систем, но и от психологизма, сведения к опыту личности, замкнутой в себе и погруженной в мир субъективных переживаний. В духовном опыте происходит обретение внутреннего единства различных индивидов, а их судьбы становятся родственны судьбам мира и Бога. Философ приводит читателей к важному выводу, что дух – это не только свобода, но и любовь, соединение различных частей бытия в единой жизни. В духовных устремлениях обнаруживается жажда человека высшего бытия, так как если бы его не было, было бы лишено смысла и существование индивида. Без Божества человека объяла бы скука небытия. Таким образом, происходит рождение Бога в душе страждущего и надеющегося. Но взывающий не одинок, Бог также нуждается в нем, и бесконечная любовь, наполняющая любящего и любимого, рождает грандиозную драму, раскрывающуюся в мистике. Последняя и есть истинная, творческая христианская антропология.

Учение Бердяева находит конкретизацию и развитие также в работе «О назначении человека», посвященной трактовке нравственности. В отличие от традиционных представлений о ценностях, созданная философом этика была призвана раскрыть верховенство блага как силы и мощи. Она становилась онтологией, так как нравственный опыт позволяет дать универсальное измерение человека. Попытки решения вопроса о соотношении добра и зла привели в истории философской мысли к появлению нормативной этики, наиболее последовательно сформулированной Кантом. Все человеческие поступки, с точки зрения последнего, должны быть подчинены универсальному правилу, категорическому императиву. В последнем долгое время усматривали «золотое правило» морали, обоснование самоценности человеческой личности. При этом поверхностно мыслящие люди, читая Канта, упустили из вида, что его «закон добра» предписывает безусловное подчинение и тем самым провозглашает абсолютную несвободу. Истинная же нравственность основывается на свободе выбора.

«Нормативная этика, – делает вывод Н.А. Бердяев, – всегда тиранична»².

Действительно, абстрактный закон беспощаден к человеческой личности. Вместе с тем ригоризм кантовской концепции морали имеет и обратную сторону, ибо, будучи не в силах побороть зло, она вынуждена приспособливаться к человеческим слабостям.

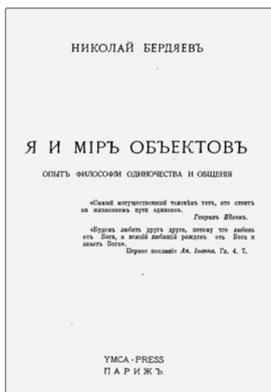
Проблемам взаимоотношений субъекта и мира, истокам объективации, вопросам одиночества и общения, теме изменения сущего и времени специально посвящена книга мыслителя «Я и мир объектов». Она интересна еще и тем, что в ней философ проводит четкую границу между собственным учением и концепциями М. Хайдеггера и К. Ясперса, других признанных лидеров экзистенциализма. Немецкие теоретики, полагает Бердяев, не создали философской антропологии как фундаментальной основы всего философского мышления. За рамками онтологии Хайдеггера остался сам человек, ибо в ней не получает объяснения, почему в существовании человека обнаруживается структура бытия.

Обложки издания труда Н.А. Бердяева «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики»: слева – на русском языке (Париж: Ymka press, 1931), справа – на французском языке (De la destination de l'homme Essai d'éthique paradoxale. Paris: Je sers, 1935)

¹ Нижников С.А. Экзистенция и философия // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. XIV. Вып. 3. С. 13.

² Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 32.

Титульный лист труда Н.А. Бердяева «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» (Париж: Умка press, 1934)

Паскаль и Кьеркегор, Ницше и Достоевский сыграли видную роль в исправлении ошибочных представлений о том, что познание смысла бытия происходит на путях рационализации знания. Попытки преодолеть отчуждение, возникающее в процессе познания, предпринимались философами с разных позиций.

«Для знания, – пишет Бердяев, – существование начинает раскрываться снизу, а не сверху, – у Маркса как голод, экономика, у Фрейда как похоть, пол, глубже у Хайдеггера как забота и страх. Сверху существование раскрывается как дух»¹.

Экзистенциальный субъект привносит в познание свободу, образующую его Я и через нее изменяет бытие.

«Я» понимается Бердяевым как изначальное и свободное. Оно несводимо к сознанию, хотя сознание и бессознательное включаются в него. Каждое Я свободно, пока оно необъективировано. Однако главный его парадокс состоит в том, что, с одной стороны, оно существует лишь до тех пор, пока не объективируется, не социализируется в бытии, тогда как, с другой стороны, Я может существовать постольку, поскольку трансцендирует себя вовне, обращается к

другим людям. Противоречивость способа существования Я порождает одиночество и попытки его преодолеть. Познание претендует на то, чтобы прорвать замкнутость бытия. Но если для познания как объективации последнее принципиально невозможно, то истинное постижение, как овладение смыслом, приобретает брачный характер.

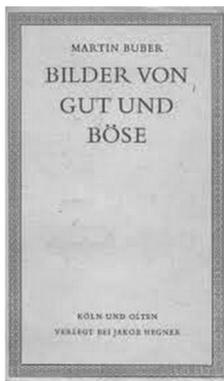
«Я жаждет, – отмечает философ, – чтобы какие-либо другие Я в мире, какой-либо друг (не объект) окончательно его принял, утвердил, увидел его в красоте, услышал, отразил. В этом глубокий смысл любви»².

Представители западного атеистического экзистенциализма не нашли выхода из состояния одиночества, остановившись на констатации неподлинности человеческого существования в мире. Сфера божественного осталась наглухо закрытой для них, – а именно Бог, но не как объект, а как тот, кому можно довериться без остатка, есть единственная возможность обретения полноты бытия без утраты собственного Я. В противоположность им, в поздних трудах Бердяева понятийный аппарат философии свободы приобретает ту гибкость, которая необходима для понимания места человека в современном мире, драмы личности, стоящей перед бездной³.

Масштабность и глубина идей Н.А. Бердяева не могли не повлиять на изменение проблемного поля мировой философской мысли. Одним из наиболее важных свидетельств влияния учения Н.А. Бердяева на западную философию является использование его идей и работ европейскими мыслителями, прежде всего представителями религиозного экзистенциализма. Какие же положения русского персоналиста оказались наиболее востребованными?

Мартин Бубер (Martin Buber, 1878–1965), австрийско-израильский экзистенциальный философ

Обложка первого издания труда М. Бубера «Образы добра и зла» (Кёльн, 1952)

Логично предположить, что концепция русского мыслителя, затрагивающая фундаментальные основы человеческого существования, оказалась наиболее созвучна тем направлениям европейской мысли XX в., которые, преодолевая односторонности рационализма и гносеологизма, обратились к проблемам антропологии. Мысль о диалоге человека с Богом как фундаментальном отношении, на котором конституируется реальность, развил М. Бубер. В книге «Образы добра и зла» он ссылается непосредственно на Н.А. Бердяева, отмечая, что интенсивный обмен мнениями с русским философом побудил его вернуться к этой, по выражению Бердяева, «парадоксальной» проблеме». Действительно, существование зла порождает неразрешимое противоречие для религиозного сознания, исходящего из признания творе-

¹ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 258.

² Там же. С. 269.

³ Корнилов С.В. Персонализм Бердяева: развитие понятийного аппарата // Русский логос: горизонты осмысления: В 2 т. Т. 2. СПб.: Интесоис, РХГА, 2017. С. 63.

ния мира Богом; проблема при такой ее постановке выходит за границы рационального мышления.

«Ее не только невозможно решить, – излагает Бубер мысль своего русского собеседника, – но невозможно даже рационально поставить, потому что тогда она исчезнет»¹.

Ответ на слова Бердяева о «невозможности решения» последовал, по собственному признанию Мартина Бубера, лишь через десятилетия. Чтобы кратко представить то, что развивается им в ряде философских и богословских сочинений, воспользуемся его интерпретацией истории о Гоге в земле Магога. Ученик спросил учителя: «Может быть, Гог снаружи только потому, что он есть внутри?». И он показал на свою грудь: «Мрак, из которого он получен, следует искать лишь в нашем слабом или коварном сердце. Гога вскормила наша измена Богу». Постепенно мне открылось, заключает М. Бубер, что суть библейских, а также авестийских и поставестийских историй о добре и зле, может быть сообщена только в виде мифа. Понятийные конструкции оказываются, в таком случае, лишь вспомогательными средствами, служащими достижению цели, наводящими мост между мифом и действительностью. Вывод Бубера демонстрирует, что уроки русского мыслителя были им вполне усвоены.

Размышления Бердяева оказались также близки одному из видных теоретиков экзистенциализма во Франции – Габриэлю Марселю. Как и русский философ, он считал, что в отличие от «мира объективности», в сфере «существования» стирается граница между субъектом и объектом. Поэтому духовное начало выходит за границы рационального познания и не может быть исчерпано логическим анализом. Бердяев, по словам Марселя, имел «великую душу, в своей истинной сути устремленную к обетованиям живого Бога»².

Но не только родственные Бердяеву по своим исходным интенциям западные философы испытали мощное воздействие его идей. Один из признанных авторитетов неотомизма Ж. Маритен обращается к русскому мыслителю, пытаясь дать ответ, почему в европейской культуре произошло «сцепление» между «буржуазным миром» и религией.

«Виновные, – цитирует французский теоретик Н.А. Бердяева, – это сами христиане, этот старый христианский мир. Не христианская религия, но ее последователи, которые очень часто показывали себя ложными христианами»³.

Хотя метафизика Николая Бердяева, добавляет Маритен, и кажется неприемлемой, его воззрения на общество и историю часто столь глубоки, что к ним «нечего добавить».

Г. фон Вригт – известный представитель совершенно иного, чем Бубер и Маритен, направления, – аналитической философии. Преемник Л. Витгенштейна в Кембридже, он считает Бердяева наиболее выдающимся среди русских философов, живших в изгнании за границей. Ему особенно близко осмысление Бердяевым проблемы техники, ее роли в судьбе культуры и человечества в целом. Автор «Смысла истории», «Человека и машины», «Царства Духа и царства Кесаря» открывает, что машинная технология представляет собой новый тип реальности. В изменившейся действительности человек развивается вместе с машинами, благодаря симбиозу с машиной он становится тем, кого философ метко назвал «космиургом», так как ему удается преодолеть многие пространственные и временные ограничения. Обратной стороной этого процесса является дегуманизация, обесчеловечивание человека, разрушение его индивидуальности.

Габриэль Марсель (Gabriel Honoré Marcel, 1889–1973), первый французский философ-экзистенциалист, драматург, театральный и музыкальный критик. Фото ©Gettyimage, ок. 1930 г.

Жак Маритен (Jacques Maritain, 1882–1973), французский философ, теолог, один из основателей и виднейших представителей неотомизма. Фото ©Gettyimage, ок. 1940 г. (фрагмент)

Георг Хенрик фон Вригт (Georg Henrik von Wright, 1916–2003), финский философ и логик. Фото 1940-х гг.

¹ Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 126.

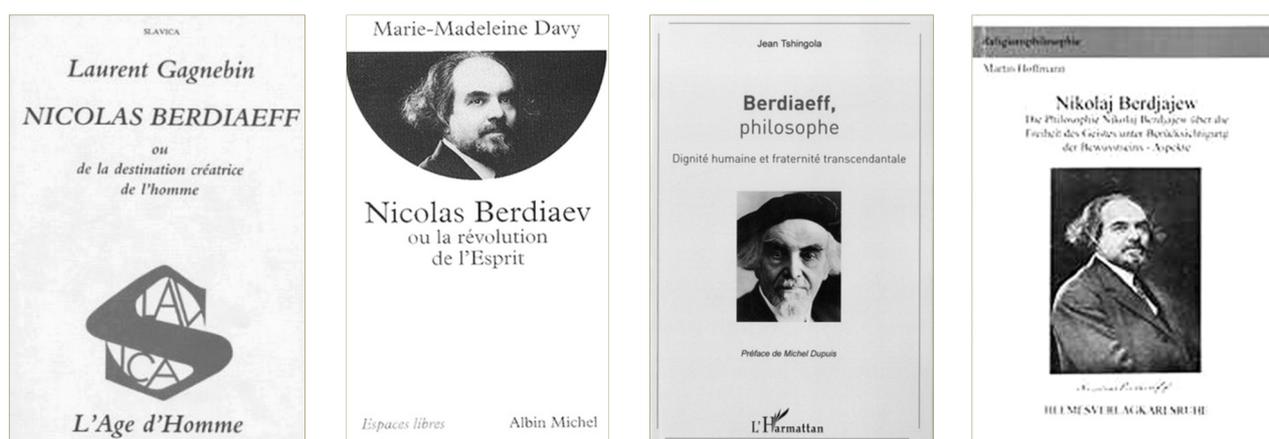
² Марсель Г. Умер Бердяев // Визгин В.П. Философия Габриэля Марселя: темы и вариации. СПб.: Мирь, 2008. С. 697.

³ Маритен Ж. Знание и мудрость. М.: Научный мир, 1999. С. 97.

Г. фон Вригт справедливо видит в Бердяеве продолжателя лучших традиций российской теоретической мысли и поэтому его общее заключение касается не только учения о «свободном духе», но и значения русской философии в целом.

«...Мне кажется, – пишет фон Вригт, – что классическая традиция русской философии, представленная именами Леонтьева, Соловьева, Бердяева и, может быть, прежде всего, Достоевского, могла бы стать исходным пунктом для критических мыслей о будущем человечества в наше бурное и трудно доступное для рефлектирующей мысли время»¹.

Эта глубокая мысль объясняет, почему до сих пор интерес к наследию русского философа не ослабевает, о чем свидетельствует работы, посвященные его изучению. Философия «свободного духа» особенно популярна во Франции, где в центре внимания исследователей оказывались ключевые темы учения русского мыслителя: свобода, творчество, объективация, личность, культура, антропология². Исследование той же философии «свободного духа» осуществляется и в Германии³. Так, в частности, В. Дитрих⁴ в труде о Бердяеве ставил перед собой цель раскрытия стадиальность формирования концепции русского мыслителя, ее главные тенденции и базовые понятия.

Обложки современных исследований, посвященных философии Н.А. Булгакова, слева направо: Gagnebin L. *Nicolas Berdiaeff, ou, De la destination créatrice de l'homme: essai sur sa pensée* (1994); Davy M.-M. *Nicolas Berdiaev on la révolution de l'Esprit* (1999); Tshingola J. *Berdiaeff, philosophe: dignité humaine et fraternité transcendante* (2014); Hoffmann M. *Nikolaj Berdjajew. Berdjajews Philosophie über die Freiheit des Geistes unter Berücksichtigung der Bewusstseins-Aspekte* (2007)

В конце XX в. философия Н.А. Бердяева стала предметом содержательного изучения в англоязычной литературе. В частности, Ф. Коплстон обращает внимание на различие исходных установок Н.А. Бердяева, с одной стороны, и Ж.-П. Сартра и М. Хайдеггера, с другой. Тогда как русский мыслитель заявлял, что он отвергает онтологию, французский философ ее развивал, а немецкий – возражал против характеристики своего учения как экзистенциалистского. Особенностью концепции Бердяева было понимание личности как религиозной категории. Для него, подчеркивает Коплстон, «человеческое существование приобретало личностные характеристики только при условии его связи с Богом»⁵. Поэтому смысл истории, согласно Бердяеву, можно обнаружить лишь тогда, когда она рассматривается как движение к конечной цели, к Царству Божьему, которое должно быть достигнуто.

¹ Вригт Г. фон. Три мыслителя. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2000. С. 237.

² См.: Segundo J.L. *Berdiaeff, une réflexion chrétienne sur la personne*. Paris, 1963; Clement O. *Berdiaev*. Paris, 1991; Gagnebin L. *Nicolas Berdiaeff, ou, De la destination créatrice de l'homme: essai sur sa pensée*. Paris: L'Age d'homme, 1994; Tshingola J. *Berdiaeff, philosophe: dignité humaine et fraternité transcendante*. Paris: L'Harmattan, 2014; Денн М. Темпоральность и эсхатология в России на примере Николая Бердяева // Русская философия за рубежом: история и современность. М.: КНОРУС, 2017.

³ См.: Schlötermann H. "Sklaverei und Freiheit. Zum Tode des russischen Religionsphilosophen Nikolai Berdjajew." *Zeitschrift für philosophische Forschung* 5.1 (1950): 87–98; Dietrich W. *Provokation der Person. Nikolai Berdjajew in den Impulsen seines Denkens. Bd. 1: Nikolai Berdjajew: Leben und Werk*. Berlin, 1974; Idem. „Löscht den Geist nicht aus!“ Nikolai Berdjajews freie christliche Philosophie." *Theologische Zeitschrift* 51.1 (1995): 65–86; Ignatow A. *Solowjow und Berdjajew als Geschichtsphilosophen. Ideen und aktueller Einfluss*. Köln: Institut für Ostwissenschaftliche und internationale Studien, 1997; Hoffmann M. *Nikolaj Berdjajew. Berdjajews Philosophie über die Freiheit des Geistes unter Berücksichtigung der Bewusstseins-Aspekte*. Karlsruhe: Helmesverlag, 2007; Zwahlen R.M. *Das revolutionäre Ebenbild Gottes: Anthropologien der Menschenwürde bei Nikolaj A. Berdjajew und Sergej N. Bulgakov*. Wien – Berlin – Münster: Lit, 2010.

⁴ Dietrich W. *Provokation der Person...*

⁵ Copleston F.C. *Philosophy in Russia*. Paris: Notre Dame, 1986. 381.

«Вся жизнь Николая Бердяева, – пишет М.-М. Дави, – все его творчество является примером для современного человека»¹.

Неприятие всех форм тоталитаризма, защита свободы личности, приоритет духовных ценностей, присущие персонализму русского мыслителя, определили то значительное место, которое он занял в проблемном поле европейской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991.
3. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994.
4. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
5. Бердяева Л.Ю. Профессия: жена философа. М.: Молодая гвардия, 2002.
6. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995.
7. Визгин В.П. Философия Габриэля Марселя: темы и вариации. СПб.: Мирь, 2008.
8. Вригт Г. фон. Три мыслителя. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2000.
9. Денн М. Темпоральность и эсхатология в России на примере Николая Бердяева // Русская философия за рубежом: история и современность / Под ред. проф. М.А. Маслина. М.: КНОРУС, 2017. С. 330–341.
10. Корнилов С.В. Персонализм Бердяева: развитие понятийного аппарата // Русский логос: горизонты осмысления. Материалы международной философской конференции: В 2 т. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, РХГА, 2017. С. 59–63.
11. Маркадэ Ж.-К. Проникновение русской мысли во французскую среду. Н.А. Бердяев и Л.И. Шестов // Русская религиозно-философская мысль XX века: Сб. статей / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1975. С. 150–163.
12. Маритен Ж. Знание и мудрость. М.: Научный мир, 1999.
13. Марсель Г. Умер Бердяев // Визгин В.П. Философия Габриэля Марселя: темы и вариации. СПб.: Мирь, 2008. С. 696–697.
14. Нижников С.А. Экзистенция и философия // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. XIV. Вып. 3. С. 8–13.
15. Allen E.L. *Freedom in God. A Guide to the Thought of N. Berdiaev*. New York, 1951.
16. Catalfamo G.B. *Il metafisico della liberta*. Messina, 1953.
17. Clarre O.F. *Introduction to Berdiaev*. London, 1950.
18. Clavet R. N. *Berdiaeff. L'équilibre du divin et de l'humain*. Montreal, 1990.
19. Clement O. *Berdiaev*. Paris, 1991.
20. Copleston F.C. *Russian Religious Philosophy*. Paris: Notre Dame. 1988.
21. Davy M.M. *Nicolas Berdiaev on la revolution de l'Esprit*. Paris: Albin Michel, 1999.
22. Dietrich W. „Löscht den Geist nicht aus!“ Nikolai Berdjajews freie christliche Philosophie." *Theologische Zeitschrift* 51.1 (1995): 65–86.
23. Dietrich W. *Provokation der Person. Nikolai Berdjajew in den Impulsen seines Denkens. Bd. 1: Nikolai Berdjajew: Leben und Werk*. Berlin, 1974.
24. Duval J.F. *Flamboyante liberte*. St. Vincent, 1992.
25. Gagnebin L. *Nicolas Berdiaeff, ou, De la destination créatrice de l'homme: essai sur sa pensée*. Paris: L'Age d'homme, 1994.
26. Hoffmann M. *Nikolai Berdjajew. Berdjajews Philosophie über die Freiheit des Geistes unter Berücksichtigung der Bewusstseins-Aspekte*. Karlsruhe: Helmesverlag, 2007.
27. Ignatow A. *Solowjow und Berdjajew als Geschichtsphilosophen. Ideen und aktueller Einfluss*. Köln: Institut für Ostwissenschaftliche und internationale Studien, 1997.
28. Julian-Cain L. *Berdiaev en Russie*. Paris, 1962.
29. Lowrie D.A. *Rebellious Prophet. A Life of N. Berdiaev*. New York, 1960.
30. Segundo J.L. *Berdiaeff, une réflexion chrétienne sur la personne*. Paris, 1963.
31. Schlötermann H. "Sklaverei und Freiheit. Zum Tode des russischen Religionsphilosophen Nikolai Berdjajew." *Zeitschrift für philosophische Forschung* 5.1 (1950): 87–98.
32. Staate H.A. *Time, Existence and Destiny: N. Berdiaev's Philosophy of Time*. New York, 1988.
33. Tshingola J. *Berdiaeff, philosophe: dignité humaine et fraternité transcendante*. Paris: L'Harmattan, 2014.
34. Vallon M. A. *Apostle of Freedom. Life and Teachings of N. Berdiaev*. New York: Philosophical Library, 1960.
35. Walicki A. *The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance*. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2015.
36. Zwahlen R.M. *Das revolutionäre Ebenbild Gottes: Anthropologien der Menschenwürde bei Nikolaj A. Berdjaev und Sergej N. Bulgakov*. Wien – Berlin – Münster: Lit, 2010.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Корнилов, С. В. Философия «свободного духа» Николая Бердяева в проблемном поле европейской культуры / С.В. Корнилов // Пространство и Время. — 2018. — № 1—2(31—32). — С. 58—65. DOI: 10.24411/2226-7271-2018-11022. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271prov_r_st1_2-31_32.2018.22.

¹ Davy M.-M. *Nicolas Berdiaev on la revolution de l'Esprit*. Paris, 1999. 168.